

СТИХОКРЕСТ

Уже с утра, за первой чашкой кофе,
в мой дом войдёт нежданная строка –
и всё! С неё начнется путь к Голгофе
с крестом несочинённого стиха.

А путь не прост и с каждым шагом круче,
сквозь дебри фраз и мыслей бурелом,
но строчка беспощадно будет мучить
и гнать вперёд безжалостным кнутом
за часом час, без права передышки,
вполглаза сон, в пол-ложки аппетит,
пока внезапно яркой искры вспышка
искомое во тьме не озарит...

Спрошу себя: на что мне эти муки?
Неужто не смирилась до сих пор?
Но если муза вдруг „умоет руки“,
то мне подпишет этим приговор.
Погибнет неродившееся слово –
моё дитя в любви, а не в грехе,
и будет мне строка венцом терновым
к распятью на несложном стихе.

НА ЭТОМ ЯЗЫКЕ...

На этом языке живу я и дышу,
на этом языке стихи свои пишу,
хоть нет у нас родства и общих нет корней –
язык России сутью стал моей.

На этом языке и мысли, и мечты,
на этом языке со мною нежен ты.
на этом языке смотрю сюжеты снов,
на этом языке венки вяжу из слов,
на этом языке со мной мои друзья,
пусть я в другой стране, мне без него нельзя,
и знаю, что, когда последний миг придёт,
на русском к праотцам душа моя порхнёт.

БЕРЁЗОВЫЙ ЛЕС

На белый храм похожий лес берёзовый,
а в храме от берёстовых колонн
исходит мягкий свет жемчужно-розовый,
как будто от лампадок у икон.
Шатёр ветвей и листьев малахитовый
прохладу обещает в летний зной,
и, солнечными нитями прошитая,
ложится тень косынкой кружевной...
Оставляю скучным будням все суетное,
забот и неурядиц череду,
лесной тропой в обитель эту светлую
к природе за причастием войду.
Вокруг бело до головокружения –
в лесу берёз других деревьев нет, –
и чувствую, застыв от изумления,
как душу заполняет тихий свет.
И счастье неожиданное с грёзами,
и легкость, и отрада, и покой...

Остаться бы, пожить в раю берёзовом,
чтоб вдоволь надышаться красотой.
Волшебнo в светлом царстве Берендеевом,
прислушаешься – чудится свирель,
и кажется, что выйдет из-за дерева,
на дудочке наигрывая, Лель.

БАНЯ

Чудо-чудное – русская баня!
До нутра прожигающий жар.
На запутанных тропах Тянь-Шаня –
неожиданный божий дар.
Нам бродяга-романтик неведом,
только явно – из русских земель.
Был – и сплыл, но оставил под небом
и чистилище, и купель.
И к обряду готовимся чинно,
все мы в жизни позёры, но здесь –
у порога снимаешь личину
и становишься тем, кто ты есть,
Без чинов, без нарядов и званья,
без налёта пустой суеты,
на виду у всего мироздания
не стесняясь своей наготы.
Причастишься водою с лихвою,
все лихое отхлещешь стократ
и настоем запаренной хвои
прегрешения смоешь до пят.
И открестишься, и отречёшься,
заречёшься отныне блажить,
вознесёшься и наземь вернёшься,
чтобы праведно заново жить.
И тогда, от жары очумелый,
сбросив под ноги тяготы лет,
как из недр материнского чрева,
непорочным выходишь на свет.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Хвороба?.. Или яд?..
Кому оставить Русь?..
Не-е-ет, Фёдор нездоров, куды ему корону..
Бояре?.. Все смердят! Изменщики и гнусь!
Во-о-н, Борька Годунов, как тать крадётся к трону..
Вся кровушка из жил... Не шевельнуть перстом..
Неужто вышел срок?..
Накаркала старуха..
Димитрий не пожил... Ванюша... Кто потом?..
Прибрал сердешных Бог. Земля пусть будет пухом..
Снедает душу червь... Обедню отслужу..
...Кому это несут исподнюю рубаху?..
Колодники и чернь! Ужо я покажу!

Ужо устрою суд!

Всех, аспиды, на плаху!
Как змеи. Шепотки: «Жесток, немилосерд»..
Да, норовом крутой! Но правил я по вере!
Царю не лапотки плести.
Я царь! Не смерд..
...А кто это с клюкой стоит вон там, у двери?..
Грозится: «Не уйдё-ё-ёшь»..
Где шапка?! Мономах?! ...Что ждёт на небеси?..
Не постриг же и схима..
Проклятый! Что ты лжёшь, иезуит-монах!..
О, Гос-по-ди! Прости-и-и!
Не убивал я... сына...

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Осенний день с утра в слезах,
так неожиданно печален,
как будто в сумеречном зале
орган вздыхает при свечах.
И звуки, память бередя,
стекают с клавиш монотонно –
промокший нотный лист заполнен
шуршащей музыкой дождя.
И органист до темноты
играть пассажи не устанет.
Весь день осенними цветами
плывут по городу зонты.
А ночью дождевая мгла
завесит фонари муаром,
на чёрном глянце тротуаров
разложит осень зеркала.
Но в них не отразишься ты,
и лишь в душе, как наважденье,
случайных встреч предвосхищенье
и ощущение пустоты.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Горят багрянцем клёнов башлыки,
веселый хор пичуг разноголосит,
и, скинув с ног цветные башмаки,
на цыпочках крадётся в город осень.
За ней ложатся жёлтые стежки -
на жёлтый цвет объявят нынче моду, -
рябит вода, и уток утюжки
старательно разглаживают воду.
И рвутся листья в свой последний час
по наущенью ветра-доброхота
покинуть ветви, чтобы только раз
познать восторг свободы и полета.
И мне бы так – за листьями вослед,
оставив на земле свои невзгоды,
лететь туда, где розовый рассвет
расцветивает прожитые годы...

Прозрачный день прозрением озарит
и мудростью прощенья,
и, пожалуй,
растает лёд печалей и обид
от всполохов осеннего пожара.

ГРОЗА В ИЮЛЕ

Машук в папахе облаков...
Слаба в исход бескровный вера,
когда остался до барьера
десяток считанных шагов.
Отчаянным неведом страх
в стремленье к подвигам и славе,
верны присяге и державе
и смертью мечены в боях.
Но здесь не бой,
здесь на кону
честь офицера, дворянина.
Он принял этот поединок,
не потрафляя никому.
Не враг, не трус и не злодей,
поэт, призванием счастливый...
Нещадной плетью хлещет ливень,
как пьяный кучер лошадей.
Зрачок беды глядит в глаза,
но он шагнул ему навстречу...
Июль. Пятнадцатое. Вечер.
Дуэль... Мартынов... И гроза.

СВЕТ В ОКНЕ

Не кану в Лету и не сгину
из этой жизни без следа,
пока на свете есть мужчина,
мне Богом данный навсегда,
пока не рвётся в мирозданье
двоих связующая нить,
любви и счастья осознаньем
я буду здравствовать и жить.

Чужие, призрачные дали,
чужих причалов корабли
нас не однажды разлучали,
но вот навеки – не смогли.
Доверю номер телефону
куда-то в тридевятый край,
и трубка голосом знакомым
«Скучаю, – скажет, – прилетай!»

И, несмотря на расстоянья,
на время года, день и час,
на долгожданное свиданье
помчусь, как будто в первый раз.
Спешу, лечу на встречу... с сыном
и знаю: в мире лишь одно
в ночи забытым апельсином
горит оранжево окно.

ЖЕЛАНИЕ ДУШИ

Отрещусь от бесчисленных дел, суеты и забот,
пилигримом уйду одиноким из города в горы
по велению души,
как по милости Господа Лот,
за спиной оставляя бедлам современной Гоморры.
Отрекнусь от сетей мировой паутины и благ
составляющих нынешний быт электронных процессов,
стопку чистых листов да набор авторучек в рюкзак –
атрибутов родильного дома стихов «поэтессы».
И на солнечных склонах альпийского царства лугов,
где живет тишина во дворце первозданной природы,
где пасутся стада белоснежных овец – облаков,
горы молча дадут мне ключи от желанной свободы.
Стану жить-поживать, как в раю, в шалаше у ручья,
собирать на заре окропленные росами рифмы
новорожденным строкам в подарок,
и мне по ночам
будут звёзды рассказывать сказки, легенды и мифы.
И однажды, дойдя до вершины, где к небу порог,
всеми фибрами жадно простор мирозданья вбирая,
напишу на прощание главный мой стих – эпилог,
тот, который оставлю последнею вехой у края.